

АЛЕКСАНДР НАМГАЛАДЗЕ

**Записки рыба-loва-любителя.
Часть 5. Поход за
демократию**



Александр Намгаладзе

**Записки рыба-loва-любителя.
Часть 5. Поход за демократию**

«Издательские решения»

Намгаладзе А.

Записки рыболова-любителя. Часть 5. Поход за демократию /
А. Намгаладзе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839353-2

Часть 5 продолжает сериал «Записки рыболова-любителя». Описаны события краха коммунизма и распада СССР, связанные с участием автора в борьбе за пост директора Полярного геофизического института и, как доверенного лица, в выборах Народных Депутатов СССР и РСФСР. Знакомство и сотрудничество с Полуэктовой, Оболенским, Игруновым и Новодворской, апатитским ДОСПом и калининградскими «неформалами». Фото на обложке: Горбачёв и Оболенский на Съезде народных депутатов СССР (к главе 508).

ISBN 978-5-44-839353-2

© Намгаладзе А.
© Издательские решения

Содержание

1988 г.	6
455. Январь 1988 г. Наука на втором плане, на первом – ДОСП	6
456. Стоит ли на куцую демократию силы тратить?	10
457. Февральские и мартовские рыбалки на Курском заливе	12
458. Ночные дежурства на ЭВМ в Ульяновке	17
459. Март – апрель 1988 г. Заявление Горбачёва по Афганистану. Резня в Сумгаите. «Семь Симеонов». Дивногорск	19
460. Андреева в «Советской России». Попов в «Науке и жизни»	21
461. Май 1988 г. Перестройка – это постепенное приближение к здравому смыслу	23
462. ДОСП процветает, ходит с лозунгами на демонстрации	25
463. Мужьями в наше время не бросаются	27
464. Мы не пашем, не сеем, не строим	31
465. Июнь 1988 г. Корректурa и реклама «Физики ионосферы»	33
466. 19-я партконференция. Мужество Бакланова, покаяние Ельцина и топтание его Лигачёвым	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Записки рыбака-любителя. Часть 5. Поход за демократию

Александр Намгаладзе

© Александр Намгаладзе, 2017

ISBN 978-5-4483-9353-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1988 г.

455. Январь 1988 г. Наука на втором плане, на первом – ДОСП

В канун Нового, 1988-го года зимой не пахло. **30 декабря** температура воздуха днём была плюс 6 – плюс 8 градусов, дул сильный западный ветер с дождём. А **1 января**, после новогодней ночи (встречали Новый год скромно в семейном кругу с дедом и Тамарой Сергеевнкой, без гостей) мы с Митей ездили на заставу на дизеле 12:20. Прошлись до танкодрома (под дождём), а оттуда в Приморск и вернулись в Калининград автобусом.

От заставы до свай береговая кромка усеяна мелким и средним янтарём. На берегу два выброса грязи, большой – около свай, похоже, ночные, а в воде ничего нет, грязь отошла. Крупных кусков не нашли, всё подобрали приехавшие с утра, на семичасовом дизеле (это после новогодней ночи!), нашлись и такие энтузиасты, человек десять.

2 января температура плюс 6 – плюс 10 градусов! Давление упало до 722 мм, дождь, ветер юго-западный, умеренный.

Приходили Люда с Серёжей. Серёжа не пил. Ничего. Фантастика. И чем больше не пил, тем больше грустнел. Мы с ним в пешки играли до того, как сели за стол, и после. Так до того он у меня выигрывал, а, как я выпил, то уж ни одной партии ему не проиграл, и с каждой партией Серёжа играл всё хуже, и хуже.

– ОРЗ у тебя, – поставил я ему диагноз. – Болезнь такая. «Очень резко завязал» называется. Нельзя так резко пить бросать. Видишь, и тонус понизился, и игра не идёт.

Но ясно было, что просто Серёжа устал. Депрессия, кризис среднего возраста.

3-го мы с Митей ездили в Русское. Температура плюс 8 – плюс 7, давление начало расти, ветер юго-западный, умеренный, и, что удивительно, весь день ясно! Воздух изумительно прозрачен, травка зеленеет на лугах. Вот тебе и январь!

С янтарём мы угадали – бросало прямо там, куда мы вышли, насобирали и наловили много среднего янтаря. От Русского дошли по берегу до Янтарного и вернулись оттуда автобусом 18:20.

6 января – новость: всё брежневское (его имени) обратно переименовали. Штрих перестройки.

7 января ездили с Митей в Балтийск. Просто так, на экскурсию. Я оформил себе пропуск (командировочное удостоверение «для проведения геофизических изысканий на местности») во все города погранзоны (Балтийск, Мамоново, Корнево, Янтарный, Рыбачий) для рыбалок и походов за янтарём и вот решил его опробовать – свозить Митю в Балтийск.

Побывали у маяка, что стоит на проходе из Калининградского залива в Балтийское море, то есть на самой западной оконечности Балтийской косы. Это место – самое интересное в Балтийске, остальное всё запущено, как и в прочих городах Калининградской области.

9 января были у Шагимуратова по поводу его возвращения (ещё до Нового года) из рейса на «Курчатове» с заходами в Сингапур и Гамбург. Второе плавание Шагимуратова на «Курчатове», через 20 лет после первого. А впечатлений меньше (главное – Сингапур очень чистый, но это и по ТВ показывали) – и заходов меньше, и возраст не тот. Зато стереокассетник привёз.

Попили водочки с ним «Смирновской», и так, и с вермутом. Хороша в обоих вариантах.

13-го смотрели с Сашулей «Жертвоприношение», а **14-го** – «8 1/2». Штрихи перестройки. Дожили. И 1-й номер «Нового Мира» пришёл – с «Доктором Живаго».

«Жертвоприношение» – фильм о вере. Великий фильм.

А «8 1/2» – об искусстве. Тоже великий фильм. Но полегче. Правда, временами мы зевали (впрочем, от недосыпа), но постепенно я втянулся в атмосферу фильма и к концу совершенно заразился ей.

В середине января приехала Ирина на каникулы, сессию сдала досрочно (одна или две четвёрки, остальные пятёрки) и освободилась раньше. Дима же на сессию еле вышел, было много хвостов, но он-таки подобрал их и сессию кое-как сдал. Приехал в конце января. Ирина на него фуфырилась, глядеть на их взаимоотношения радости никакой не доставляло. Миша, к счастью, ничего не замечал и был одинаково рад и маме, и папе, приехавшим из Ленинграда.

Уезжали они порознь. Сначала Дима, через сколько-то дней Ирина. Приехав в Ленинград, она Диму дома не застала, а ключа он на вахте не оставил (ключ, понимаете ли, у них один), хотя знал, что Ирина должна приехать, и сам появился поздно вечером.

Ирина, злая, что пришлось околачиваться с вещами у закрытой комнаты в ожидании, что муж, может, вот-вот появится, набросилась на него с упрёками. Тот, в свою очередь, оскорбился: в его компании, оказывается, случилось несчастье – погибла, выпав из окна, буфетчица общежития, которая им уют создавала, а тут Ирина со своими претензиями. И смылся опять куда-то.

Ирина, найдя их семейную комнату в запущенном состоянии и злая на мужа, ушла ночевать к девочкам, с которыми жила раньше. Дима, вернувшись и не застав дома жену, стал среди ночи ломиться к этим девочкам, требуя выдачи супруги. Своего он добился и потребовал далее развода. Ирина тут же согласилась – пожалуйста, мол, хоть сейчас, занимайся только сам этим.

Какое-то время они не разговаривали друг с другом, потом Дима вдруг стал просить прощения, и они помирились. В очередной раз. Ненадолго, разумеется.

Ох, дети, дети. Обоих бы лупить следовало. К девочкам ушла – тоже номер. Мало им ссор наедине, публичных скандалов захотелось. Дурачье.

Мне об этом Ирина ничего не рассказывала, только маме, когда приезжала в следующий раз, в апреле, а я от Сашули узнал. А то бы я ей нотацию прочитал: надо иметь свой ключ, из комнаты своей не убегать к девочкам надо было, а убраться в ней, и концертов совместных с мужем в общежитии не устраивать.

Вот уж, действительно, парочка.



Корюшка

В конце января в Апатитах проходил традиционный семинар по физике авроральных явлений. На него отправились я, Клименко, Ваня Карпов, Смертин и Щербак. До Мурманска самолётом, оттуда поездом, вечером были уже в Апатитах, где я не бывал с 81-го года, когда выступал там с докторской.

Поселились в «Аметисте». Утром – открытие семинара в ПГИ и встреча со множеством старых знакомых – Славик, Юра, Мингалёвы, Козеловы, Лазутин, Распопов и т.д., и т. п. Меньше всех изменился за последние годы Славик, а больше всех, пожалуй, Распопов – обрюзг, полысел, потолстел, согнулся, хромает после аварии, вот только речь и манеры не изменились.

Распопов был только на открытии, а потом исчез и больше на семинаре не появлялся. Заправляли семинаром Славик с Витей Мингалёвым. Но и они (даже Слава!) как-то не очень активно дискутировали по научной части, часто исчезали куда-то, чувствовалось, что их гораздо больше заботят другие дела.

Собственно, у них теперь было одно главное дело – ДОСП и всё, что с ним связано. В частности, на данный момент они боролись с Распоповым за снятие выговора, который он объявил своему заместителю – Мингалёву «за проведение в помещении Института собраний официально незарегистрированных организаций».

Я этот выговор собственными глазами видел: на стене в коридоре висит. Досповцы считали выговор незаконным: сотрудники института оставались после работы обсуждать проблемы общественной жизни страны и собственного института – в чём тут криминал? Выговор тем не менее висел.

Непрерывно приходилось выяснять отношения с местными партийными и советскими органами, не знавшими, что же делать с этим ПГИ, как там навести порядок или направить их энергию в нужное русло, но где, собственно, проходит это русло – никто теперь не знал.

На вечер Слава пригласил меня к себе домой в гости вместе с Юрой Мальцевым и Алексеем Кропоткиным – нияяфовцем из Москвы, магнитосферщиком, знакомым мне ещё со времён зимней апатитской космофизической школы конца шестидесятых годов (было тогда такое трио из НИИЯФа – Кропоткин, Алексеев, Шистер; я выступал перед ними с рассказом о своей кандидатской на импровизированном семинаре в ПГИ), но не близким знакомым, встречался я с ним редко, лишь когда попадал на магнитосферные сборища.

Дома у Славы по случаю студенческих каникул гостила Юля, папина любимица, заметно похорошевшая за время, которое я её не видел, и превратившаяся из угловатого подростка в симпатичную девушку. Представили мне и Отошу, Отто, шестилетнего сына Славы и его новой жены Тани, не без досады, как мне показалось, охарактеризовавшей своё дитё как совершенно заурядное создание, которое, мол, и демонстрировать-то не стоит.

Хотя Славик заранее предупредил, что разносолов не будет, что он советует поужинать прежде, чем к нему в гости идти, тем не менее стол был накрыт, и Слава выставил гостям маленькую и остатки водки из другой бутылки, квашеную капусту и жареную картошку с мясом.

Перекусив, перешли к чтению отрывков из мемуаров, которые я специально на этот случай прихватил с собой из Калининграда. Я читал кусочки из описаний приключений времён чехословацких событий («Живаго», Лужбин, выборы), известных в общем-то Славе и Юре либо как непосредственным участникам этих приключений, либо из моих прежних устных рассказов о ладушкинской жизни тех времён.

Слушали моё чтение именно так, как мне и мечталось о таком слушании – ни звука постороннего. Так слушали меня те же Юра и Слава, когда я в старинные времена читал им вслух что-либо из понравившихся мне литературных новинок. Когда я кончил – прочёл всё, что взял с собой, Слава после некоторого молчания произнёс:

– Да, бойко ты пишешь, ничего не скажешь.

А Юра сказал:

– Я всё это знал, ты раньше ведь рассказывал, а всё равно интересно было слушать.

Но и без этих комплиментов само их внимательное слушание было мне достаточной наградой.

Ну, и, разумеется, не обошлось без разговоров о демократии, о перестройке и о ДОСПе, проблемами которого жили Слава и Юра.

Я недоумевал: не жалко им столько сил и времени тратить на то, чтобы насадить демократию в ПГИ, привести к самоуправлению толпу сотрудников, вовсе этого самоуправления не жаждущих и к нему не готовых.

Тане не понравилось моё пренебрежительное отношение к народу – «толпе сотрудников», как я выразился, а Слава заявил, что под лежащий камень вода не течёт, и, что, если с народом не работать, не приобщать его к демократии, так он никогда и не станет готовым к самоуправлению. Нельзя научить плаванию в сухом бассейне.

– Всё это так, – согласился я, – но мне кажется, что бороться за демократию в рамках ПГИ – это не того масштаба деятельность для Славы и Юры, мелковато.

– Что же делать, я не член Политбюро, и даже не член ЦК, к сожалению, – ответил мне Слава.

– Жалеешь теперь, что в партию не вступил? – пошутил я.

– Да нет, конечно. С ума сошёл, что ли? Просто каждый должен бороться за демократию на своём месте. На том, которое он занимает.

Прощаясь с Таней, Алексей приглашал её заходить к нему в Москве, когда она будет там, на что Таня опять же не без досады, как мне показалось, заметила, что она не Слава, который по командировкам разъезжает, она к кухне привязана.

456. Стоит ли на куцию демократию силы тратить?

На следующий день разговоры на те же темы возобновились на безалкогольном товарищеском ужине, устроенном организаторами семинара для его участников в ресторане гостиницы «Аметист».

Собрали по пятёрке, в былые времена на эти деньги и напиток можно было, а теперь – только пожрать. Тем не менее народу явилось много, полный банкетный зал, даже не хватало мест. Слава рекламировал эту встречу как дискуссионную, но общей дискуссии не получилось, народ явно не готов был или не желал дискутировать всухую.

Единственный дискуссионный – на весь зал – вопрос был задан неким Федоренко, человеком сравнительно новым в ионосферно-магнитосферных кругах, но физиком известным:

– Скажите, а кто это додумался сделать ужин безалкогольным? И зачем?

На это Слава без тени смущения ответил, что он считает алкоголь отнюдь не обязательным для беседы, а кроме того их – организаторов и так со всех сторон зажимают (тут имелось в виду, что организаторами семинара явились фактически одни досповцы), не хватало ещё, чтобы им спаивание иногородних и местных учёных приписали.

Ну, что же, народ поел, поговорил – на местах, ибо слышно было только соседа, и разошёлся, кто куда. Не помогли и мои призывы к Славе организовать общий разговор, каковой был им обещан. Я же большую часть вечера проболтал со своей очаровательной юной соседкой.

Она пришла вместе с Юрой Мальцевой и ещё одной женщиной, точнее, Юра появился в сопровождении двух дам, из которых старшая была, я догадался, его новой женой. Я как-то видел её один раз несколько лет тому назад, когда приезжал в Апатиты, но уже забыл, как она выглядит. Теперь, когда я пригляделся и вспомнил её, она мне показалась симпатичнее, чем в тот раз.

Юра со своими дамами пришёл поздно, когда все места были уже разобраны, он с женой сел на другом конце стола, а рядом со мной оказалась их прелестная спутница, девушка лет двадцати, в которой я опознал-таки, хоть и не сразу, Алёну – Юрину дочь от первого брака, маленькой я её часто видывал и хорошо помнил.

Как и Славина Юля, она похорошела, прямо расцвела. Как и Юля, приехала на каникулы (студентка третьего курса матмеха ЛГУ), вот не знаю только – к папе или к маме. Пришла сюда, во всяком случае, с папой, по его, думаю, инициативе. Мы разговорились.

Алёна держалась запросто, раскованно, без комплексов и в то же время скромно, так, как и следовало держаться. Узнав, что я и есть тот Намгаладзе, с которым папа вчера был в гостях у Ляцкого, и который читал там вслух свой роман (!), она принялась расспрашивать меня об этом моём произведении, которое ей расхваливал папа.

Я в полной мере удовлетворил её любопытство, ответил на все вопросы и пересказал несколько сюжетных линий моих мемуаров.

Тем временем большая часть публики уже разошлась, за столом оставалась небольшая кучка людей вокруг Славы – Козеловы и прочие досповцы. Мы с Алёной пересели к ним, на какое-то время мною завладела Антонова из НИИЯФа, но не Лиза, а Алла, постарше, расспрашивала про Калининград, а потом опять зациклились на ДОСПе. Досповцы спрашивали меня, как я отношусь к ДОСПу.

– Очень хорошо отношусь, прекрасно отношусь. Только вот цели ваши мне не совсем понятны. Распопова убрать – это понятно. А что ещё? Что именно вы ставите своей сверхзадачей?

– Мы боремся за демократию!

– Где? В ПГИ, в Кольском филиале, в Апатитах, в Мурманской области, во всей стране?

– И там, и там, и там – везде, где можем. Разве это не благородная цель, разве не в этом долг каждого порядочного человека?

– Цель-то благородная. Да вот что меня смущает. Вы действуете в рамках советских представлений о гласности и демократии, с оговорками (больше социализма), иначе и не можете действовать, – не позволят. А эти представления уже содержат в себе преграды для демократии и гласности истинной, безоговорочной. Это противоречие всей перестройки, опасность, которая внутри неё. Ибо предполагается, что кто-то определяет – это можно говорить, а это нельзя, ибо это против социализма. А что такое социализм остаётся тайной. И гласность оказывается куцей, полу-гласностью, а то и менее-гласностью. И демократия ей соответствующая. А за куцую-то демократию стоит ли столько сил тратить, как вы тратите?

– Не всё сразу. А откуда же полная демократия и гласность возьмутся, если даже куцей не будет?

– Конечно, конечно. Вы правы. Под лежачий камень вода не течёт. Просто я хотел сказать, что от вашей бурной деятельности до истинной демократии очень далеко, ни сил ваших, ни жизней ваших может не хватить, и разочарования возможны скорые. Грубо говоря, я с вас эйфорию сбиваю. Вы, деспоты, у меня прямо чувство умиления вызываете своим демократическим энтузиазмом. Но в успехи ваши скорые я не очень-то верю, уж простите. Да и демократия как самоцель... – для меня этого мало. Гласность это великолепно, но есть ли что провозглашать, о чём гласить? Это я опять же про сверхзадачу. Ну, уберёте Распопова. А дальше что? Ну, будет в ПГИ или во всём Союзе демократия. А дальше что?

– Вот, чтобы это решить, и нужна демократия. Чтобы это обсуждать, нужна гласность.

– Ну, вы – молодцы! Вас не собьёшь, чувствуется школа Ляцкого.

– Мы и сами с усами.

Практически сразу после ужина нам пришлось отправляться на вокзал, чтобы ночным поездом уехать в Мурманск: у нас были авиабилеты на утренний рейс Мурманск-Ленинград и на вечерний Ленинград-Калининград, других достать не сумели, так что в Апатитах мы пробыли всего два дня. Юра и его жена были огорчены, они рассчитывали видеть меня у себя в гостях – не получилось. То же и с Мингалёвыми. Ладно, не в последний раз, надеюсь, я здесь.

457. Февральские и мартовские рыбалки на Курском заливе

Обратно мы летели **28 января**, и из окна самолёта я увидел, что Куршский залив стоит. А, выйдя из аэропортовского автобуса у Музея янтаря, я направился не к дому, а за Музей на озеро разведать ледовую обстановку. Выяснилось: лёд около 10 сантиметров. Вовсю ловят густеру.

До **13-го января** температуры воздуха были плюсовые, потом заминуло, но не сильно, и вот, кажется, можно открывать сезон зимней рыбалки. Здесь, на озере, во всяком случае, его уже открыли.

На залив же (Куршский) я выбрался в первый раз лишь **6 февраля**. Ездил один в Каширское. Температура воздуха плюс 4 – плюс 6 градусов, опять всё таяло, но народу на заливе было много, лёд сантиметров пятнадцать толщиной, нормальный.

Рыбачил я недолго – поехал автобусом 9:42, а вернулся на 16:33. Поймал 2 плотвы, 2 окушка, 2 ерша и 2 корюшки. Ловил в 40 минутах ходьбы от берега по направлению к Лесному. У остальных в окрестностях тоже хреново, а вот у берега (в 20 минутах ходьбы) хорошо брала мелкая плотва на мотыля, не говоря уже об окушках и ершах.

И снова сплошная оттепель, весь февраль температура плюсовая, только 20-го мороз под утро достиг минус 8 градусов, и мой второй выезд состоялся **25 февраля** – через три почти недели после первого (температура воздуха минус 2 градуса, давление 743—744 мм, ясно, ветер юго-восточный, умеренный).

Ездили со Смертиным в Рыбачий (по своим командировочным-пропускам) в расчёте на корюшку. Слух был, что она там ещё до ледостава хорошо ловилась. Но расчёты не оправдались. На льду вообще никого не было в этом районе. Вдоль берега, на расстоянии метров в двести от него тянулась трещина, которую мы долго пытались сначала обойти, потом перебрались через неё и пробовали ловить в двух местах. Корюшкой и не пахло. Зато ёрш бушевал вовсю.

На втором месте, подальше от берега за трещиной я привадили-таки хлебом плотву и поймал 10 штук (средних), одного подлещика и одного приличного окушка. Смертин же тягал, тягал ершей, ни одной плотвы, но перед самым уходом вытянул полноценного леща на огрызок червя.

Возвращаясь электричкой из Зеленоградска, мы узнали, что практически по всему Куршскому заливу (но лучше всего в районе Киевской) ловят леща больше, чем плотву (по 3—6 штук, на червя и мотыля).

28 февраля ездили со Смертиным в Лесное. Ноль градусов, давление 738—722, метель, ветер южный, умеренный. При проверке документов у шлагбаума на въезде на косу сержант-пограничник сделал нам внушение, что по командировочным удостоверениям в выходные дни на косу не положено ездить. Есть специальное распоряжение облисполкома: по командировочным, начиная с 12 часов пятницы на косу не пускать. Ладно, хрен с ним, будем ездить на рыбалку в будни.

В Лесном довольно много народу рыбачило, но у всех с утра только ерши попадались, и мы с Володей потопали к противоположному берегу, аж к Киевской, где чернела огромная толпа рыбаков. Уселись, как увидели первых пойманных лещей. Володя поймал двух подлещиков и одну крупную плотву. У меня – ноль. Соседи же наши поймали по одному – три леща, а накануне, говорят, хорошо брал (до 17 штук – в Лесном слышали).

Ну, это всегда так. Вчера брал, а как мы приехали, перестал. Справедливости ради следует заметить, что давление в наш выезд весь день падало и упало аж на 16 мм. По теории рыба вообще не должна клевать при этом.

Подошёл март. Официальная зима кончилась, а на Калининградском заливе настоящего ледостава так и не было. Второй раз на моей памяти, первый – году в 1971-м, кажется. Правда, ледком в этот раз всё же затягивало, и Хорюков однажды даже пробежался по нему чуть ли не к маяку, но это был именно что ледок, толщиной не более пяти сантиметров, с промоинами, только отдельные ухаи отваживались далеко ходить по нему, а как подул ветерок посильнее, и того не стало.

На Куршском же заливе лёд всё ещё держался, сантиметров 15, а местами и больше толщиной. Днём температура поднималась выше нуля, но ночью подмораживало, ветров сильных не было, и рыбалка, главным образом, лещёвая продолжалась. Я же к ней так и не сумел приспособиться, хотя пробовал разные варианты и снастей, и насадки, и места ловли. Знать, не очень-то хотелось леща поймать. В самом деле – одни кости, то ли дело – судак, или ещё лучше – корюшка.

За корюшкой нам со Смертиным таки удалось один разок съездить – **3 марта**. Профком обсерватории организовал выезд желающих в Клайпеду на автобусе от Калининградского экскурсионного бюро – как бы на экскурсию, на самом деле же за продуктами к 8-му марта.

Записались и мы со Смертиным в расчёте вылезти в Ниде, чтобы порыбачить там корюшку и вернуться обратно с этим же автобусом. Про клёв корюшки в Ниде ходили фантастические, но многочисленные и из разных источников слухи, что ловят там сотнями буквально рядом с берегом и выносят мешками.

Правда, нас уверяли ещё и в том, что из экскурсионного автобуса в Ниде не выпускают, шоферам и экскурсоводам пограничники строго запрещают выпускать пассажиров. Но мы понадеялись на свои командировочные удостоверения – нам-то пограничники не страшны, имеем право!

Желающих поехать в Клайпеду набралось полный автобус, а на рыбалку в Ниду – только мы со Смертиным. У шлагбаума пограничники – всё тот же сержант! – проверили паспорта в соответствии со списком экскурсовода и высадили Ваню Каратеева, у которого не оказалось последней фотографии в паспорте (после 45-ти лет которую положено клеивать). Ваня безропотно вылез и пошёл пешком в Зеленоградск.

Экскурсоводом у нас оказалась какая-то жутко крикливая баба, которая всю дорогу веселила нас легендами про Куршскую косу, исполнявшимися в странной вульгарно-мифологической манере с разбитными намёками на современные проблемы секса, быта и политики. Уговаривать её выпустить нас в Ниде, а на обратном пути забрать, нам не пришлось – ничего предосудительного в этом она не нашла к нашей великой радости.

Нида, окрестные дюны и леса утопали в снегу, выпавшем прошлой ночью, а теперь сверкавшем чистейшей белизной на ослепительном мартовском солнце. Всю зиму снега не было, а тут – пожалуйста. Погода как по заказу. Уже и без рыбалки хорошо, красота – снег, сосны, солнце, небо без единого облачка, небольшой минус с утра. Народу на заливе немного, но есть. Правда, не толпой, как бывает при бешеном клёве, а вразброс по всему заливу – и совсем рядом с берегом, и где-то очень далеко.

Мы начали обход рыбаков и быстро выяснили, что корюшка отошла (ну, естественно, – раз мы приехали!), по-настоящему ловить её надо идти на глубину, к трещине, не меньше часа ходьбы от берега, там и налим, и корюшка по-чёрному ловятся. А здесь тоже поклёвывает, но хило – по десятку-полтора у людей с утра поймано, у некоторых, впрочем, и поболее.

В нашем распоряжении на всю рыбалку было только три часа, так что идти на глубину смысла не было, и мы решили удовлетвориться тем, что есть. С полчаса ещё побродили от одних рыбаков к другим, выбирая, где получше клюёт, и, наконец, уселись.

Мы были без ледобуров и пешней, чтобы пограничников не возмущать, в расчёте на обилие незамёрзших старых лунок (плюсы накануне были и ночами) или на то, что попросим

у кого-нибудь. Лунок старых, однако, мы вовсе не видели – замёрзли и снегом занесло, и ледобуры не у всех есть, пришлось долбиться какой-то паршивой пешней.

Смертин ругался, что послушался меня и не взял ледобур (хотя тогда и не возражал вовсе), и ныл, что вообще уже давно пора сидеть и ловить, а не бродить по заливу, в общем, был в своём репертуаре, но, поймав несколько корюшек, успокоился. Корюшка клевала, как с ней часто бывает, налётами, и не с самого дна, а повыше, сантиметров с двадцати ото дна.

Пока нащупали, где она ходит, ещё с час потеряли, а за оставшееся время я поймал штук тридцать, а Володя около сорока, да ещё налима небольшого выдернул. Улов, конечно, небогатый, но удовольствие всё же получили. Я у лунок без полушубка сидел, разогрелся, пока лунки долбил, и не замерзал потом на солнце весеннем, тем более, что ветра не было абсолютно.

На обратном пути с залива к шоссе мы зашли в магазин и отоварились колбасой и сыром, компенсировав тем самым недолов. Загодя явились в условленное место на шоссе и позагорали на скамеечке с полчаса, пока не появился наш автобус.

На выезде с косы опять проверка документов. Всё тот же сержант долго изучал мой паспорт, вертел его и так, и сяк, а потом спросил:

– Вы куда ездили?

– В Клайпеду, – бодро соврал я на всякий случай.

Сержант помолчал немного, а потом заявил:

– Вы лапшу на уши мне не вешайте. В Ниде рыбачили. В следующий раз накажем Вас и экскурсовода.

Дискутировать с ним я не стал. Вид мой – в рыбацких ватных штанах, драном полушубке, запах корюшки из рюкзака – не оставлял никаких сомнений в том, где я был. Смертин выглядел попрличнее, сидя в кресле, по крайней мере, да и фамилия моя, возможно, примелькалась уже сержанту: ведь совсем недавно он мне внушение делал насчёт проезда на косу в выходные.

А на льду в Ниде калининградские мужики рассказывали, что пограничники проверяли рейсовый клайпедский автобус ещё и на границе с Литвой, перед Нидой и грозились высадить и отправить обратно в Калининград рыбаков, ехавших с билетами до Клайпеды, но собиравшихся выйти в Ниде. Озверели совсем, делать им не хрена.

Всякое желание, в самом деле, пропадёт на косу ездить, хоть и с командировочными удостоверениями. Доказывай потом, что ты в самом деле геофизические изыскания на местности проводил. Проверял толщину льда на предмет возможности установки магнитометра, например. Проще ездить в Зеленоградск на электричке, а оттуда пешком по заливу, куда хочешь.

В следующий раз, в субботу **6 марта** мы так и поступили – ходили от Зеленоградска аж под Киевское: Смертин, Серёжа Лебле, Кшевецкий и я. Около двух часов шли от вокзала, 45 минут до берега (к устью канала), остальное по заливу.

По дороге Серёжа, с которым мы чуть ли не с самого Нового года не виделись, рассказывал мне (мы с ним отстали от Смертина и Кшевецкого, мчавшихся с нетерпением молодых жеребцов) про свадьбу Жанны, которую они буквально накануне выдали замуж за матроса, самого обыкновенного рыбака, без какого-либо образования, но привлекательной наружности и без вредных привычек – не пьёт, не курит.

Свадьба была уже по надобности – ожидался ребёночек. Во всём этом скоротечном исходе большую роль сыграла, по-моему, паническая боязнь всего семейства Лебле, что Жанна в старых девах останется. А тут ещё к свадьбе сюрприз: предыдущий ухажёр, тоже матрос, с моря явился и к Жанне домой, а там свадьба! Люде этот предыдущий больше нравился, и она у него на плече рыдала, а Жанна к нему не вышла. Письмо ему заготовила, но оно куда-то затерялось, его долго искали, вот тем временем Люда и рыдала на плече у отвергнутого матроса.

(Рыдала, словно чуя горестную судьбу свою и дочери: с Серёжей они разведутся, а Жанна, родив один за другим троих детей, похоронит молодого мужа, умершего после мучительного

ракового заболевания, и всё это в суровые времена «рыночных реформ». – прим. 10 сентября 1998 г.)

Я расспрашивал Серёжу, где он пропадает. Точнее, я знал, что он пропадает, главным образом, в Ленинграде, но что он там делает? Неужели с документами по защите всё ещё не разделался, так уже 4 месяца прошло. Серёжа сказал, что он там работает со своим оппонентом, которому ещё до защиты обещал решить одну задачу своим методом.

Люда же уверяла Сашулю, что «он там бабу завёл» – учёного секретаря или просто секретаря совета, в котором защищался, жену какого-то его ещё университетского знакомого, а с ней не спит, отворачивается. Я Серёжу на этот счёт не расспрашивал, и он мне ничего не говорил, но состояние его общее мне по-прежнему не нравилось – подавленное какое-то, вид замотанный, мешки под глазами. И странно, что меня, похоже, избегает, на рыбалку вот в первый раз выбрался, когда зима уже кончилась.

Люда и мне свои подозрения высказывала, когда я ходил к ней править корректуру нашей зарубежной статьи (для PAGEDONa).

– Да он просто замотался, не отошёл ещё от диссертации, депрессия, у меня это тоже было, – утешал я её. – Не приставай к нему с ревностью, это его только оттолкнёт. Да и сама успокойся, к психиатру сходи, зацклилась, наверное, на ревности. Ты же его ещё год назад к молодой новой сотруднице их кафедры ревновала. Элениум, реланиум потребляй.

– Да я потребляю. Только дело швах. Семья рушится. Седина в голову, а бес в ребро.

Но вернёмся к рыбалкам. В тот раз мы прекрасно посидели на солнышке в окружении прорвы народу, потягали ершей и мелких окушков, а лещей – двух – поймал только упорный Смертин.

На следующий день, **7 марта** мы с Митей прокатились после обеда на мотоцикле в Каширское. Ловили в сорока минутах ходьбы от берега с полчетвёртого до полшестого на лунках, с которых уходил мужик, поймавший там двух лещей. Митя поймал приличную плотву, одолевали ерши и окушки, но вот, наконец, очередная поклёвка вроде ершиной, и я чувствую солидный натяг лесы.

– Митя! – кричу, – иди, смотри, леща тащу.

Митя склонился над моей лункой, я медленно перебирал лесу, гася рывки рыбины. И вот она показалась, только что-то непонятное, пятнистое, да это же налим! Здоровенный, килограмма под два. И лунка у меня здоровая, прорубь целая, налим в ней кольцом крутится, не могу даже голову его над водой поднять, боюсь – поводок порвётся, 0.15 мм, на плотвиную удочку взял, на огрызок червя. И схватить его в воде боюсь – скользкий, жду, когда утихомирится.

И дождался: крючок сломался, малюсенький крючочек, 3-й номер. Сунул я, конечно, тут же руку в воду, да куда там – налима как не бывало. Ладно. Хоть развлечение было. А больше ничего не поймали. Митя стал мёрзнуть, и мы отправились домой.

Казалось, на этом сезон и закончился, март как-никак, а лёд и без того тонкий. Тем не менее он держался (на Куршском заливе, а на Калининградском уже всю гуляли волны по чистой воде, так и не было на нём нормального льда в этом году), а в двадцатых числах опять стало подмораживать, и 20-го мы с Серёжей ездили на мотоцикле в Каширское (температура воздуха минус 4 – плюс 2 – минус 1 градус, давление 749—747 мм, ясно, ветер южный, слабый до умеренного).

Я поймал на мотыля одного квазилеща, то есть крупного подлещика, почти леща, но настоящим лещом он стал бы лишь на следующий год. А Серёжа – ничего. Но он и ловил как-то вяло, апатично, скорее просто загорал на солнышке.

И последний мой выезд на лёд состоялся **26 марта**. Поехал в Зеленоградск, один, электричкой 14:08 в расчёте на вечернюю зорю. Ловил с 17:00 до 20:10, поймал одного подлещика, пять плотвин, несколько окушков и ершей.

Возвращался впотьмах, в одиночку, вся толпа прошла передо мной раньше минут за 20. Лёд был уже совсем плох, верхний слой местами ещё был покрыт коркой, местами превратился уже в кашу, ноги часто проваливались сквозь неё до нижнего, старого льда, но сквозных промоин ещё не было. Удивило меня то, что мне попадались рыбаки (и не один, и даже пацаны!), идущие навстречу, то есть с берега на лёд, на ночную, значит, рыбалку. Вот это энтузиасты!

Знать, лещ хорошо берёт ночью, иначе бы не шли. А те, кто днём ловили, – я обошёл несколько групп рыбаков, выбирая себе место, – натаскали, в основном, мелкой и средней плотвы, да по одному-два леща. Но вот Смертин, как оказалось, тоже ловил в этот день и недалеко от меня, и поймал семь (!) лещей. Двух утром, одного днём и четырёх – одного за одним – в начале шестого вечера, буквально минут за пятнадцать вытащил, и ушёл, боясь рыбнадзора, а то бы ещё мог поймать.

В общем у него закрытие сезона удалось на славу, да и до того он всё же нескольких лещей вытащил, и Лёнька Захаров один раз ездил и трёх поймал, а я вот так и не сумел ни одного отловить.

458. Ночные дежурства на ЭВМ в Ульяновке

Этой зимой зубы меня замучили – страшное дело. Три штуки выдрал, в двух, кроме того, (и после того) пульпит с воспалением надкостницы, на стенку лез от боли, волком выл. Пародантоз потом мой обострился, дёсны воспалились, есть совсем не мог, и в результате за какой-нибудь месяц похудел на пять килограммов, возвратившись в весовую категорию времён своей юности – 72 кг.

Миша всю зиму проболел и в ясли почти не ходил, походит дня три-четыре и готов – опять заболел. Сашуля извелась его лечить, сама колола пенициллин (воспаление лёгких было), а я держал извивавшегося внука, который не то что уколов – банок боялся, как огня, и вопил: – Ой, мамочка моя, хочу к маме! – а колоть приходилось по четыре раза в сутки, и ночью вставать надо было, в общем, досталось и внуку, и Сашуле.

А на работе большинство проблем упиралось по-прежнему в ЭВМ. Обе наши большие машины, и 35-я, и 46-я, работали, мягко говоря, неважнецки, часто и надолго выходя из строя. Шандура всё валил на плохое кондиционирование и был в общем-то прав: в такой тесноте обеспечить удовлетворительное охлаждение трудно, а тут ещё и кондиционеры барахлят.

Главный наш хозяйственник – Левинзон, молодой ещё мужик, сосватанный Иванову Шевчуком, выдвинул идею – хорошо бы пристроить нашу вычислительную технику на какой-нибудь завод, который бы обеспечил её энергообслуживание и кондиционирование, а использовали бы ЭВМ совместно – много ли заводам машинного времени нужно? И народу не надо будет в Ладушкин мотаться, а то в автобусе уже повернуться невозможно.

– В своё время такую идею у нас Гострем пытался осуществить на «Кварце». Хотел двадцатку у них поставить, да не вышло, – отвечал я Левинзону. – Впрочем, в нынешних условиях эта идея хороша, да вот где только такой завод найти?

– Я попробую, – пообещал Левинзон. – Есть кое-какие связи.

Нашёл. Точнее, не думаю, чтобы он искал. Скорее всего, он имел в виду конкретный завод, когда высказал свою идею, но не знал наверняка, как к этому там отнесутся, да и моё мнение ему было неизвестно. Сам же он имел тот личный интерес, что в случае реализации его идеи с него спадала большая обуза ответственности за хозяйственное обеспечение работы нашей вычислительной техники, за то же энергоснабжение, кондиционирование и пожаротушение.

Короче, **4 февраля** мы с Ивановым и Левинзоном уже вели первые переговоры с главным инженером КСРЗ – Калининградского судоремонтного завода – Крючковым, приятелем Левинзона, а через пару месяцев был заключён Договор между КСРЗ и КМИО ИЗМИРАН («Об установке и совместном использовании вычислительной техники КМИО ИЗМИРАН на территории КСРЗ»), согласно которому КСРЗ обязался предоставить помещения под машинный зал и вспомогательные помещения общей площадью в 350 квадратных метров, что по крайней мере в полтора раза превышало площадь, занимаемую Шандурой в обсерватории, а КМИО обязалась предоставлять бесплатно машинное время на ЭВМ ЕС-1035 в объёме, требуемом для удовлетворения производственных нужд КСРЗ, с правом преимущественного использования, тогда как вторая ЭВМ – ЕС-1046, также устанавливаемая на КСРЗ, сохранялась за КМИО.

Условиями договора обе стороны были в полной мере удовлетворены, даже на удивление. В самом деле, ситуация складывалась на редкость взаимовыгодная. Оказалось, что КСРЗ для своих АСУшных задач собирался купить вторую небольшую ЭВМ типа СМ1600 вдобавок к одной имевшейся. Для этих двух машин они запланировали строительство нового помещения (хотя и старое, в котором мы побывали, не мало, разве что не очень удобное – практически без окон, внутри производственного корпуса).

Точнее, они уже начали строительство нового трёхэтажного инженерного корпуса, стали забивать сваи у себя на территории на берегу Прегеля, а там оказалась ненадёжная почва, пришлось заколачивать более длинные сваи, чем предполагалось вначале, а под такой мощный фундамент пришлось перепроектировать здание и добавить к нему ещё один этаж.

На этом этаже и решили разместить новый вычислительный центр. Но тут вышла накладка: ЭВМ, которую они запланировали приобрести, перестали выпускать, вместо неё им предложили машину типа нашей 35-й, стоимолстью под миллион рублей вместо тех полутора тысяч, которые КСРЗ собирался заплатить за новую ЭВМ.

А КСРЗ как раз на хозрасчёт перешёл, и такая переплата ему вовсе ни к чему – нет таких денег. И получилось, что помещение для ВЦ будет, а ЭВМ новой нет. Тут является Левинзон и предлагает:

– Хотите – мы у вас свои мощные машины поставим и вам дадим на них считать, сколько влезет?

Такое предложение, разумеется, заинтересовало КСРЗ, и переговоры начались. Нам удовлетворить вычислительные потребности КСРЗ ничего не стоило на одной только 35-й машине, их же запланированные площади позволяли преспокойно разместить обе наши ЭВМ и всё Шандурино хозяйство. И ездить в Ладушкин не надо будет, от кирхи КСРЗ сравнительно недалеко находится, минут двадцать добираться.

Конечно, обе стороны побаивались, – не надует ли другая сторона? Но на то и Договор, срок действия которого был оговорен в 10 лет. Со стороны КСРЗ договор был подписан примерно десятком спецов. Закончить строительство корпуса КСРЗ планировал в первой половине следующего, то есть 1989-го года.

Пока же нам предстояло наладить работу наших ЭВМ, прежде всего 46-й, там, где они установлены, в Ульяновке: счёт-то должен идти, задачи ждут, время идёт, скоро с нас отчёты потребуют по многочисленным спецтемам. Да и областной народный контроль до нас добрался – почему это у нас машины простаивают, нормативы вычислительного времени не выдерживаются, круглосуточная работа не организована.

А тут ещё проблемы возникли: желающих считать стало много, саенковская бригада тоже разошлась, большие задачи стали гонять, у дисплеев народ плечом к плечу сидит, машинное время надо распределять, чтобы не мешали друг другу. Организовали ночные смены, в которые пользователи (научные сотрудники то есть) сами и за операторов стали работать.

Разгорелись дискуссии – кому и как ходить в ночь, не все ведь могут. Ваня с Клименкой спорили с таким криком, что вся кирха ходуном ходила. Ваня считал, что надо всех в обязательном порядке по графику гонять в ночные дежурства независимо от желания и наличия собственных задач, чтобы обеспечить, как на настоящем ВЦ, круглосуточный режим работы. Володя соглашался ночевать только со своими задачами, а Суроткин категорически отказывался вообще в ночь ходить.

Чтобы почувствовать на себе прелести ночных дежурств, я сходил разок в ночь сам, вместе с Кореньковым, и убедился, что физически это нагрузка будь здоров, утомляет страшно. Часов до двух ещё осмысленно действуешь, а потом уже глаза слипаются, соображаешь плохо, и, если требуется вносить какие-нибудь коррективы в счёт, делается это тупо и чаще всего вносятся новые ошибки. Но для устойчивой работы машины нужен непрерывный режим, всякие включения-выключения ей вредят, и гонять её ночью нужно, никуда не денешься. Так не вхолостую же...

459. Март – апрель 1988 г. Заявление Горбачёва по Афганистану. Резня в Сумгаите. «Семь Симеонов». Дивногорск

8 февраля обнародовано заявление Горбачёва по Афганистану. Обещал начать вывод войск с 15 мая и закончить за десять месяцев.

Наконец-то!

Разумеется, никаких сожалений и покаяний – ошиблись, мол. Не говоря уже о том, чтобы признать интервенцию и оккупацию преступлением или хотя бы вмешательством во внутренние дела чужой страны – ничего такого в заявлении не звучало. Ну, да Бог с ним.

Девятый год ведь гибнут и калечатся там молодые ребята, тысячами. И за что? Исполняют интернациональный долг. Ограниченным контингентом. Это же надо такое словоблудие ещё учинить: преступление назвать долгом! Ни ума, ни стыда, ни совести!

А тут ещё события в Нагорном Карабахе. И опять гласность по-советски: в Армении, Азербайджане страсти кипят, митинги, забастовки, а пресса, радио и ЦТ сообщают и показывают интервью с армянами и азербайджанцами, в которых одни изливания симпатий и признания в любви и дружбе между армянским и азербайджанским народами. Можно подумать, что именно в этих приступах взаимной любви события как раз и состоят.

Но вдруг сообщают (**4 марта**) – в Сумгаите резня армян, погромы, 31 человек убит. Тоже жертвы интернационализма по-советски.

8 марта – очередной сюрприз, подарок к женскому дню: «Семь Симеонов» самолёт сожгли. Бригада террористов из Иркутска в оригинальнейшем составе: мать-героиня и 10 её детей (семеро из них составляли ВИА «Семь Симеонов») пытались заставить экипаж Ту-154, летевшего из Иркутска в Ленинград, лететь в Лондон, угрожая взорвать самолёт.

Вместо Лондона им пообещали Финляндию (до Лондона, мол, керосина не хватит), а посадили самолёт где-то под Ленинградом, после чего Симеоны уколошили бортпроводницу, чего-то там взорвали, а группа захвата учинила суматоху, в которой мамаша, четверо деток и кто-то из пассажиров погиб, кто-то покалечился, а самолёт сгорел дотла.

Причём Симеоном всего-то и надо было – прорваться в полном составе за границу со своими жалкими ценностями. Они вполне легально до того бывали на гастролях в Японии, и там, видать, им жутко понравилось. Поскольку не членов ВИА на гастроль не берут, а денег мало меняют, они и решили, наверное, преодолеть кордон таким способом.

Ну, а наши за своё «Не пуцать!» не только самолёт сжечь готовы, гори он синим пламенем... Англичане, ведь, всё равно бы их выдали или в тюрьму посадили, поскольку Великобритания подписала конвенцию о борьбе с воздушным терроризмом. Говорят, лётчики побоялись в Лондон лететь – английского, мол, не знают, диспетчеров не поймут, да и вообще якобы не захотели нарушать порядок в воздухе, над Хитроу, мол, такое движение интенсивное, а тут мы ещё явимся. Логика, конечно, железная. Уж лучше пусть Симеоны самолёт взрывают, Бог с ним и с пассажирами.

В начале апреля у Ирины образовалось какое-то окно в занятиях, и она устроила себе каникулы на неделю, приезжала домой, читала мои мемуары, Сашуле рассказывала про их с Димой фокусы (как она к девочкам уходила), мне же не жаловалась.

В день её отъезда мы с ней побывали на кладбище (назавтра была пасха, а я улетал в Красноярск), навестили мамину могилку, по дороге беседовали на отвлечённые темы. Ирина расспрашивала про отца Ианнуария, говорила, что от чтения моих мемуаров ей сделалось грустно, кажется, что лучшие годы – детство – прошли, а впереди ничего не видится. Я отвечал ей:

– Не заботьтесь о завтрашнем дне, завтрашний день сам о себе позаботится. Радуйся сегодняшнему дню. Лучшие годы – вот они, сейчас, цени их. А беды твои – это ерунда, не беды, мелочи. Смотри, вон какая погода хорошая, ты молодая, здоровая, ребёнок пристроен, учишься, студентка, – разве этого мало?

В Красноярск я летал вместе с Кореньковым, Клименко и Суроткиным на школу-семинар по математическим моделям ближнего космоса, проводившуюся Красноярским ВЦ СО АН СССР. Школа проходила в Дивногорске, у Красноярской ГЭС, жили в гостинице, расположенной прямо на берегу Енисея с видом на живописные скалистые склоны противоположного берега. Ширина Енисея в этом месте около семисот метров, и высота скал примерно такая же.

Воздух в Дивногорске чудесный, сосновый дух, а красноярцы жалуются – испоганился климат от ГЭС: Енисей теперь не замерзает аж на протяжении 200 километров ниже плотины (а рассчитывали на 20), поскольку из водохранилища (Красноярского моря) вода стекает не из верхних, охлаждаемых воздухом слоёв, а из нижних, тёплых. В результате зимой пар стоит над Енисеем, климат повлажнел, в Красноярске же и без того воздух загазован, теперь совсем дышать нечем. Покорили природу.

Речные суда через плотину в корыте на колёсах перетаскивают. И это ещё не всё, говорят. Там такие каскады задуманы помимо тех, что уже есть, – только держись!

Публика на школе-семинаре была в меньшей части обычная – ионосферно-магнитосферная (Пивоваров, Еркаев, Денисенко, Семёнов, Цыганенко, Пономарёв, Сидоров, Мишин-младший, Михайлов-младший, Рыбин), в большинстве же своём неизвестный нам народ, занимающийся газодинамикой взрывов (разлёт облаков), обтеканием спутников и тому подобными вещами, далёкими от геофизики, но для нас всё же интересными, особенно в свете наших новых спецзадач.

Наш доклад был в самом конце последнего заседания (его делал я, а перед этим Клименко выступал в дискуссии) и произвёл требуемое впечатление, в частности, на Пивоварова (особенно) и на Пономарёва (из Иркутского СибИЗМИРа), который сказал, что такая модель по сложности близка к самой ионосфере, и смысл её создания, по-видимому, в том, чтобы можно было изучать ионосферу в домашних тапочках, не выходя на улицу.

Правда, были и ехидники, которые сочли символичным, что я на доске блок программы «трубка» обозначил как «труба» – дело-труба, значит, мол...

460. Андреева в «Советской России». Попов в «Науке и жизни»

13 марта в «Советской России» была опубликована на целую полосу статья некоей ленинградской преподавательницы химии из какого-то вуза (Технологического, кажется) Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Я «Советскую Россию» не читаю и про статью эту узнал лишь почти через месяц из перепечатанной в «Калининградской правде» статьи «Правды» (без подписи) от 5 апреля «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», в которой публикация «Советской России» была охарактеризована как идейная платформа, манифест антиперестроечных сил.

В «За рубежом» (№23) приведены статьи (или отрывки из статей) из парижских «Монд» и «Революсьон», в которых выступление «Советской России» и ответ «Правды» были прокомментированы следующим образом: «Опубликовав в газете «Советская Россия» целую полосу злобных выпадов против перестройки и гласности, консерваторы обратили ситуацию против себя... не рассчитав силу удара, они перепугали «болото». В их платформе дала о себе знать слишком сильная ностальгия не по брежневским временам, а по победоносному сталинизму, что получило суровое осуждение в статье без подписи, напечатанной в «Правде» («Монд»).

9 апреля «Известия» сообщили, что сразу же после появления письма Андреевой тут и там стали распространять его копии, что некоторые крупные и мелкие газеты перепечатали статью «Советской России» по указанию местного руководства или по собственной инициативе, что на коммунистов оказывалось давление с тем, чтобы они одобряли этот «манифест» на собраниях или передавали его для изучения в кружках сети партполитпросвета. И всё это происходило «как по команде» – писал орган Верховного Совета.

... «Великорусские экстремисты из «Памяти» устраивали уличные демонстрации против тех, кого они с удовольствием называли бы «еврейскими перестроечниками», если бы не закон о преследовании за расизм. Группа писателей Российской Федерации заявила, что «Родина в опасности», а один из них (Бондарев, по-моему) дошёл до того, что призывал ко второму «Сталинграду» во имя спасения от поднявших голову варваров – антисталинистов и экологов... («Революсьон»).

И в самом деле, антисталинисты обнаглели. Особенно некий Г. Попов, доктор экономических наук. В прошлом году он выступил в «Науке и жизни» с рецензией на роман Бека «Новое назначение», написанной с точки зрения экономиста. Там он ввёл термин Административная Система, под которым подразумевал «сложный механизм управления, действовавший в стране десятки лет», и показал неизбежность её – Системы – загнивания (собственно, сделал это Бек, а Попов прокомментировал).

И вот во 2-м номере «Науки и жизни» за этот год – новая рецензия Попова под названием «Система и зубры» с подзаголовком в скобках «Размышления экономиста по поводу повести Д. Гранина «Зубр». Она показалась мне наиболее путной из всех прошумевших перестроечных статей. Вот её концовка:

«... Справедливо указать на следующее. Среди руководителей Системы были люди, понимавшие её несовместимость с сутью социализма, её переходящий характер. Опираясь на базисные черты социализма, некоторые из них пытались что-то изменить. Реально началом перемен стал XX съезд партии, одобривший доклад Н.С.Хрущёва о культе личности. Но вопрос об АС был в то время подменён следствием – вопросом о Хозяине (подчёркнуто мной). «Наказав» его, Систем вывела себя из под удара. Попытка радикальной реформы в 1965 году была парализована тем, что в центре внимания оказалась не сама Система, а опять-таки её следствие – низкая эффективность экономики. И ещё, конечно, тем, что в руководстве страны сторонники преобразований не составили большинства.

И механизм торможения, и начало разложения, сам кризис АС оказались логическим итогом того отказа от политики, который был основой жизни и деятельности Зубров. Именно они могли и, более того, были обязаны вовремя понять, что Система отжила, что она становится фактором торможения, что построенному социализму нужен совершенно иной механизм управления. Но Зубры продолжали соблюдать условия соглашения: политики не касаемся, Система вне критики, нельзя оспаривать её право руководить. И даже к зарвавшемуся, проворовавшемуся местному руководителю семидесятых годов Зубры относились по меркам и правилам, выработанным ещё в довоенные годы. Зубры, и это самое страшное, оставались на своих позициях, даже когда явно видели, что Система превратилась в механизм торможения, что она разлагается, что нависла угроза над самой судьбой страны.

Пока АС выполняла взятые на себя обязательства по развитию страны, позиция Зубров в целом была по крайней мере объяснимой. Но чем они, считая себя людьми порядочными, могли оправдаться сейчас?

...Зубр оставил нам не только урок более правильного понимания прошлой эпохи. Он оставил нам урок на будущее – урок недопустимости ухода от политики, недопустимости пассивного ожидания чего-то.

.Впрочем, не нам его судить. Кто из нас и в какой мере действовал верно? Не случайно же не снизу, а сверху пришло к нам понимание неотвратимости перестройки, радикальных изменений в стране, причём не просто в экономике, а в самой жизни общества и человека.

Вернутся ли Зубры? – ставит вопрос писатель. При всём уважении к ним я бы ответил – не должны. Мы хотим на деле реализовать лозунг партии «Больше социализма». И теперь хорошо знаем, что попытки творить на своём участке при отказе от участия в политике, в судьбах страны, в судьбах твоего народа неизбежно ведут к потере именно той возможности нормально жить и работать, ради которой тебе предлагалось смириться с ролью политического винтика. Не говоря уже о главном: принять эту роль – значит оставить страну в руках агонизирующей АС, лишить человеческой жизни в истинном, высоком смысле слова наших детей и внуков, вступающих в XXI век...»

Итак, резюмируем основную мысль:

– АС рухнула бы, если бы Зубры (творческая интеллигенция в СССР, учёные, прежде всего) не продали душу дьяволу, не пошли бы на соглашение с Системой во имя так называемого патриотизма – во славу России, или во имя науки.

Мысль несомненно верная, на мой взгляд, хотя винить Зубров в служении Системе с закрытыми на творящиеся вокруг безобразия глазами, в отказе от политики трудно, ибо что значило заниматься политикой после победы красных в гражданской войне? Приходилось просто выживать.

Но вот уже в наше хрущёвско-брежневское время Сахаров осмелился оказать сопротивление и ничего, остался жив. А если бы его поддержали коллеги? Ведь из Академии его не удалось изгнать, хоть тут не обосрались академики, лишь меньшинство из них присоединилось к публичным осуждениям Сахарова. Но и только, к сожалению.

И второе, что мне понравилось в статье Попова, а может, даже это и первое, – то, что он ставит во главу угла именно Систему, а не Сталина, почти не уделяя Хозяину внимания.

Хотя, увы, и ему – Попову всё ещё хочется «больше социализма».

461. Май 1988 г. Перестройка – это постепенное приближение к здоровому смыслу

В Калининграде о существовании нашей обсерватории не очень-то известно публике, она не упоминается даже в справочнике «Учреждения города» – из-за малочисленности, скорее всего, и отсутствия рекламы с нашей стороны. Тем не менее местная пресса изредка вспоминает о нас.

В начале декабря прошлого года явилась ко мне некая Энгельсина Леонидовна Кострюкова из «Маяка» – рыбацкого органа и всё допытывалась, какую мы пользу калининградским рыбакам приносим. Мои рассказы о том, чем мы занимаемся, её не очень удовлетворили по той причине, как она сама призналась, что физику она совсем забыла, если когда и знала, и многих моих слов просто не понимает.

Попросила дать ей что-нибудь популярное про ионосферу почитать. Я ей дал Данилова «Популярную аэронию» – единственное, что у нас имелось в этом роде, и просил только не зачитать, вернуть. Увы, и книжка, и Энгельсина канули с концами.

Через три с лишним месяца является новая мадам – из «Калининградской правды». В Ладушкине она уже побывала, синтервьюировала Лещенко, а тот её ко мне направил. А я как раз в командировку собирался, в Красноярск, и дама мне эта была очень не ко времени, кучу дел надо было закончить до отъезда. Принял я её поэтому неласково: извините, мол, очень занят, нельзя ли после моего возвращения из командировки?

– Но я Вас не задержу надолго, мне всего лишь несколько вопросов задать.

– Боюсь, что быстро не получится. Вашему брату, простите, сестре, надо всё подробно рассказывать, а то такую ересь напишете – со стыда потом сгорить.

– Неужели мы все такие глупые?

– Все – не все, а мой предыдущий опыт грустен в этом отношении. И, главное, просишь, чтобы перед опубликованием показывали своё сочинение, – обещают, но не показывают и печатают чёрт знает что. А тут и вообще: перед Новым годом Ваша коллега из «Маяка» была – Энгельсина Леонидовна Кострюкова – знаете такую?

– Знаю.

– Так вот она для самообразования книжку взяла, обещала вернуть – и с приветом... Как к Вам теперь относиться?

– Я выясню этот вопрос и передам ей, чтобы вернула книжку.

– Пожалуйста, будьте добры.

– Ну, что же, если Вы так заняты, то извините, я пойду.

Тут я почувствовал себя неловко – чего это я на незнакомого человека набросился, она, что ли, книжку утащила? – и сжалился над ней.

– Ладно. Давайте, полчаса потратим на беседу.

Потрадили. Даже больше, чем полчаса. Распрощались любезно, дама обещала показать текст, в крайнем случае, если не мне, то Иванову – вдруг меня не будет. Я уехал в Красноярск. Даму я больше не видел.

А недели через две после её визита в «Калининградской правде» (от 21 апреля) появилась заметка «Под солнечным ветром». Как когда-то в «Комсомольской правде» про нас же было «В порывах солнечного ветра», одинаково у них фантазия работает.

Без чуши, конечно, не обошлось. Какие-то у неё там магнитные пояса над экватором повисли, но это ладно. Самое забавное, что рассказ ведётся как бы от имени Лещенко, названного в заметке старшим научным сотрудником, хотя он и не научный сотрудник вообще никакой, ни старший, ни младший. Так вот Лещенко сообщил читателям, что «у нас в обсервато-

рии перестройка началась уже давно, ещё в 1975 году, когда мы сами выбрали себе Вадима Петровича в заведующие». Во, дал!

Это он уже второй раз заявляет, первый – на торжественном собрании перед последними ноябрьскими праздниками, второй – теперь, умалчивая, разумеется, на чьей стороне он был в 1975 году – Вадима Петровича (которого, кстати, мы не выбирали в заведующие, его назначил Лобачевский) или Гострема.

Ай, да Лещенко!

Вот он уже и в первых рядах перестройки.

Я так и не выяснил (забыл), показывала ли кому-нибудь корреспондентка свою заметку перед печатанием. Может, и показывала Иванову или Лещенко. А «Популярная аэрономия» к нам так и не возвратилась.

1 мая ездили дизелем на заставу с Сашулей, Митей, Мишей, Леной Васильевой, Галиной Якимовой и Кореньковым. Мы с Митей искали грибы часа два. Сморчковых шапочек много и крупные до насыпи, а у моря, где прохладнее, мало и мелкие. День был солнечный, но не такой жаркий, как в прошлом году, 21 градус днём, а утром только 10.

Вечером по телевизору передавали интервью ЦТ с Тенгизом Абуладзе (с Красной площади во время демонстрации), и мне понравилось его высказывание: «Перестройка – это постепенное приближение к здравому смыслу».

На следующий день мы с Митей порознь – увы! он с Мариком и другими пацанами, со мной не захотел, – были на футболе («Балтика» – «Прикарпатье», 1:0, Кубок СССР, 1/64 финала). «Балтика» не блистала, хоть и выиграла. Понравился новичок – Кузнецов из Липецкого «Металлурга», шустрый, работающий, азартный и техничный. Не хуже Притулы (ушедшего с Ивановым) вроде бы. А гол забил хорошим дальним ударом Никифоров, вернувшийся из Минска ещё в прошлом году.

В тот же день (**2 мая**) звонила Ирина. Опять у них с Димой нелады какие-то, и армия над ним как будто бы нависла. Но это всё она как-то невнятно Сашуле сообщила. Михалычу же, как потом выяснилось, она тоже звонила и просила его приехать – Диму, мол, могут отчислить (хвостов много) и в армию забрать.

Михалыч, не раздумывая, поехал (в который раз уже!). Мы даже не знали об этом. Вернулся через несколько дней. Сказал, что, по его мнению, Иринка панику зря подняла. От армии Диму освободили, но угроза такая, правда, действительно была, и Димка на этой почве запил (?!). Хвосты у него есть, но не так уж много, обещает ликвидировать. А вот отношения у них ненормальные, плохие, прямо сказать, оба злые, друг на друга жалуются, кто прав, кто виноват – не разберёшь. Вроде бы накал сейчас ему удалось снизить, подуспокоились.

– Ну их к чёрту, пусть сами разбираются, – утешил я Михалыча его же словами.

Разбираться, однако, вскоре пришлось мне с дочерью.

462. ДОСП процветает, ходит с лозунгами на демонстрации

15 мая я отправился в ИЗМИРАН и далее в Ленинград с кучей дел. Тут и секция, и программный комитет семинара по моделированию (очередного Всесоюзного, в Звенигороде, намеченного на ноябрь), и издательство – пришла уже корректура, надо её забирать и ехать к Б.Е. править вместе с ним. Наконец, рекламную листовку книги надо разослать, чтобы делали заказы, от этого якобы тираж будет зависеть.

На программный комитет съехались в ИЗМИРАН все бывшие кураторы, ныне просто активисты подсекции моделирования ионосферы во главе с Поляковым: Часовитин, Колесник, Гинзбург, Михайлов, Хазанов, Коен, Кияновский, Мингалёвы, Власков, Латышев, Хачикян. ИЗМИРАН представляли Фаткуллин, Дёминов, Соболева, Павлов и я. Не было, вопреки обыкновению, Данилова и Юдович.

Фаткулина я видел впервые после его болезни – двух инсультов, перенесённых почти год уже назад. Вид у него стал, мягко говоря, неважнецкий – лицо перекосило малость, шрам заметный на шее после операции, а уж говорить и вовсе стал как контуженный Звягинцев (которого Тихонов играет) в фильме «Они сражались за Родину». Ничего, кроме жалости я при всей былой антипатии к нему не испытывал.

Так получилось, что я сидел на скамеечке у ионосферного отдела с Мингалёвым, Хазановым и Гинзбургом и рассказывал им про защиту Авакяна, а неподалёку оказались Фаткуллин с Колесником. Гинзбург, который дружит со всеми, стал их энергично подзывать, и мы с Марсом оказались в одной компании впервые, Бог знает, уж за сколько лет: кажется, с защиты Кости Латышева в 1976 году, когда Марс был у него оппонентом.

Я закончил свой рассказ про «того самого тупого космонавта» под всеобщий смех, и Марс пригласил всех выпить чаю у него в кабинете, а потом предложил свозить желающих за водкой в Пахру на своей «Волге» – отметить присуждение ВАКом докторской степени Гинзбургу.

Гинзбург с Колесником откликнулись на это предложение, остальные разошлись по делам, но через пару часов встретились вновь, и Марс повёз всех на своей «Волге» опять же в Пахру, на речку распивать раздобытое пиво и одну бутылку водки, с рук купленную Гинзбургом. Сам он, разумеется, не пил. Но, по-моему, был вполне доволен этой своей новой ролью – развозчика-опекуна, слушателя пьяных речей.

На следующий день утром мы с Гинзбургом бегали по стадиону и видели там Марса, делавшего упрямления, лёжа на скамеечке.

Программный комитет заседал полдня и отработал быстро и чётко, поскольку мы с Павловым уже заранее просмотрели все тезисы, рассортировали их, подготовили предложения, согласовали их предварительно с Поляковым, благодаря чему удалось избежать обычного базара.

Интересные новости рассказали Мингалёвы с Власковым. Распопов пал (!) наконец-таки, доконали его доповцы, подал заявление об освобождении его с должности директора по состоянию здоровья и укатил в отпуск, оставив вместо себя Горохова.

Тот рьяно взялся продолжать его линию, прежде всего в части переезда всего института в Мурманск, полагая, что раз эту линию поддерживают наверху, то есть в Президиуме АН, то лучше ему стараться угодить Президиуму, чем апатитской публике, ибо пройти в директоры на выборах снизу ему, Горохову, никак не светит, а вот угодить Президиуму – значит, получить шанс попасть в директоры сверху. За этот шанс Горохов и уцепился, развил бурную активность, чем только подлил масла в незатухающий огонь пэгэвских страстей.

– Ну, а как ДОСП? – спросил я Мингалёва.

– Прорцветаем, – с гордостью ответил Витя. – За год численность ДОСПа возросла вдвое: было восемь, стало шестнадцать членов. Нашему примеру уже геологи последовали, свой ДОСП организовали, правда, он у них как-то по другому называется, и членства такого нет, как у нас, но суть та же – приобщать народ к демократии.

Секретарь горкома апатитского, который ещё недавно грозился и ДОСП, и весь ПГИ разогнать, своего поста уже лишился, а досповцы вышли на областную арену – выступали по мурманскому телевидению в какой-то молодёжной программе: Ляцкий, Козелов и трое молодых. Слава Ляцкий в этом году впервые в жизни вместе со всем своим семейством вышел на первомайскую демонстрацию.

Досповцы несли лозунги, которые в первоначальной редакции звучали так: «Сторонники перестройки – объединяйтесь!» и «Вечная память жертвам сталинизма!», но партком настоял на уточнениях, и лозунги приняли следующий вид: «Сторонники перестройки – объединяйтесь в борьбе за демократию!» и «Вечная память жертвам сталинских репрессий!»

По Апатитам в очередях прошли слухи: «В КФА антисоветчики завелись, на демонстрацию вышли с антисоветскими лозунгами! Это что же будет-то?»

Из Москвы я отправился в Ленинград к Б.Е. править корректуру нашей книги, которую я забрал в редакции. Рекламная же листовка всё ещё не была готова, находилась в типографии, и странно мне было слышать от Эльвиры Никитичны сетования, что тиражная комиссия определила предварительно очень маленький тираж – 650 экземпляров, по числу заказов на сегодняшний день. Но ведь рекламы-то не было! И не торопятся её дать! А было лишь сообщение в квартальном темплане «Науки», которые никто не читает, и в магазинах-то их подолгу не держат на полках, сам не мог найти...

В Ленинград я приехал как раз тогда, когда по городу шла мощная волна, незадолго до того прошедшая по Калининграду, – после введения талонов на сахар народ скупал соль, мыло, крупы, подсолнечное масло, не вникая обращениям властей, уверявших, что всего хватает: про сахар, мол, тоже были такие заверения. Людмила Михайловна рассказывала, как в ленинградских очередях объясняют это дело: революция же надвигается!

Пообсуждали местные новости: пожар в БАНе, после которого, Б.Е. рассказывал, какое-то время там работал прекрасный «Ксерокс», и Б.Е. успел наделать себе копий статей – не было бы счастья, да несчастье помогло; сгорел Фрунзенский универмаг, ущерб оценен в три миллиона рублей, трое наказаны: «в частичное возмещение ущерба» с них удержали по месячному окладу; прорвало трубы и горячей водой затопило подвалы с нотными рукописями Публичной библиотеки – самая последняя местная новость, а самая последняя Всесоюзная – пожар в Японии на туристском теплоходе «Приамурье» с жертвами («Заплатить три тысячи, чтобы сгореть там, – ужас!») – комментировала Людмила Михайловна.

463. Мужьями в наше время не бросаются

Через Сестрорецк мы созвонились с Ириной и договорились съездить вместе в воскресенье к Бургвицам. Ирина сообщила, что Люба здесь, в Ленинграде, приехала к Андрюшке, которого забирают в армию, и который поэтому забросил учёбу, брэнчит на гитаре и не хочет сессию сдавать – вернусь, мол, из армии, пойду снова на второй курс, всё равно забуду всё, что учил.

Так Любка приехала, чтобы заставить его заниматься и сдавать сессию, взяла отпуск для этого специально. А с 1 июня Жора приедет – помогать Андрюшке готовиться к экзаменам.

Я позвонил Розе Мартыновне – Жориной маме, у которой жил Андрюшка, а сейчас и Любка. Её там не оказалось, ушла в гости, разговаривал с Андрюшкой. Тот заверил, что у него с учёбой всё в порядке, только по английскому хвост – «тыщи» не сданы, и дал мне номер телефона приятелей Любки, у которых она сейчас находится. Любка ужасно мне обрадовалась:

– Ой, Санька, как ты кстати тут, я уж думала написать тебе, что ли! Слушай, Андрюшку в армию забирают... – и дальше то, что я изложил уже выше. – Жорка с ума сойдёт, если он сессию не сдаст, – заключила сестра свой рассказ.

– Ну, и зря, – ответил я ей. – Подумаешь, ничего страшного. Может, Андрюшка даже и прав – в том, чтобы вернуться на второй курс. Благодарю лучше Бога, что его в Афганистан не пошлют, а остальное – ерунда, мелочи!

– Правда, что. Это уж точно.

Я предложил Любке поехать вместе со мной и Иринкой в Сестрорецк в воскресенье, Андрюшка-то пусть занимается. Любка с радостью согласилась. Мы разговаривали с ней около семи часов вечера, потом мы с Б.Е. продолжили работу, потом, как обычно, программа «Время», после неё оба Брюнелли остались у телевизора, я вернулся к корректуре, а где-то около одиннадцати вечера меня позвали к телефону – Любка звонила от Розы Мартыновны.

– Слушай, Санька, у меня здесь маленькая есть, ты далеко отсюда находишься? Может, я к тебе приеду?

– А как ты номер телефона этого узнала, я же тебе не давал?

– А я Аллочке Ляцкой позвонила, и она мне сказала.

– Ну, молодец, догадливая. Только я от тебя далеко, час езды, это район Ржевки-Пороховые, тут дядя Серёжа Мороз недалеко живёт, никак не могу к нему выбраться. Да и поздно уже. Так что ты маленькую с собой в Сестрорецк бери, там раздавим.

Любке всё же не терпелось со мной поговорить, и мы ещё с полчаса разговаривали с ней по телефону. Больше она, конечно, говорила, и всё про Андрюшку, на деда нашего сетовала – абсолютно внуком не интересуется, никогда не позвонит, правильно его мамочка наша покойная в нечуткости обвиняла.

– Да и ты такая же, в него пошла: сама-то им много интересуешься, часто звонишь?

Но Любку трудно переубедить, кто кому звонить должен. В отношении деда она, конечно, права, но и сама хороша тоже.

Местом нашей встречи с Иринкой и Любой я назначил выход с эскалатора метро «Финляндский вокзал» на улицу Боткина, там цветочный базар, цветочки чтобы купить тётке Тамаре. К назначенному сроку я чуть-чуть опоздал, минуты на три. В условленном месте стояли и разговаривали Люба, Иринка и Андрюшка. Меня они заметили лишь, когда я подошёл совсем близко.

Первой сделала движение в мою сторону Ирина, но тут Любка её опередила с радостным ржанием:

– А где же животик? – и похлопала меня по пузу. Я поцеловал её и в тон ей ответил таким же похлопыванием по Иринкиному животу:

– А вот он куда перебрался, – имея в виду, что Иринка никак не восстановит свою былую стройность.

И тут моя дочь отмочила номер. Лицо её, и до того какое-то напряжённое, слегка покрасневшее, вдруг покраснело ещё больше, исказилось злой гримасой, глаза налились слезами, она оттолкнула мою руку и бросилась бежать, сначала к выходу из метро, потом куда-то по цветочному рынку.

Я за ней.

Представляете картину? Рыдающая девица бежит, а за ней мужик – в очках и светлом пиджаке гонится с чёрной сумкой на боку. При полным-полно честного и всякого прочего народу.

Да-а. Незабываемо.

Догнал я её-таки, поймал, взял за локоть, держу крепко.

– Ты, что, Ирина, с ума сошла совсем? Очумела? Тебе лечиться надо.

– Никуда я с вами не поеду, езжайте, езжайте сами в Сестрорецк, обсуждайте меня там!

– Да никто тебя в Сестрорецк не тащит! Не хочешь, не езд.

Тут до меня дошло, что появление в назначенном месте нашей встречи кроме меня ещё Любы и Андрюшки явилось для Иринки неожиданностью (я ведь не сообщил ей, что пригласил Любу в Сестрорецк), она рассчитывала, наверное, наедине пообщаться со мной. А тут я ещё и поцеловал сначала Любку, а родную дочь несчастную зачем-то по животу стал хлопать издевательски, не понимая, что ей не до шуток.

– Ты, что, Ирина, шуток совсем не понимаешь? Или разозлилась, что я Любу пригласил? Но она моя родная сестра, мы с ней давно не виделись, я здесь в цейтноте, времени мало, почти нет свободного, и Бургвицев надо навестить, и тебя, и Морозов хорошо бы, так что – что тут предосудительного? И в любом случае – истерики прилюдные закатывать, – куда это годится? Ты же врачом собираешься быть, должна же знать, как со своими нервами бороться. Пей успокоительные – валерьянку, пустырничек почаще. Психотропные, наконец, средства принимай – элениум, там, реланиум.

– Я и так днём всё время засыпаю, ночью потому что не сплю, – продолжала всхлипывать, но уже не так бурно Ирина.

Люба с Андрюшкой тем временем вышли вслед за нами из метро и прогуливались неподалёку по цветочному базару. Я повёл Ирину к ним.

– Видали, что моя дочь вытворяет? Представляю теперь, каково её мужу с ней, если она с любимым папочкой себе такие фокусы позволяет, заставляет за ней как за курицей носиться.

– Вот я Андрюшке и говорю: не вздумай жениться! – сказала Любка. – Женишься – не знаю, что с тобой сделаю.

– А чего ты его с собой сюда притащила? Ему ведь некогда сейчас по Сестрорецкам разезжать – заниматься надо.

– Да он в Сестрорецк и не поедет. Просто я захотела, чтобы ты ему наставления прочитал.

– Наставления я ему уже читал по телефону. Могу повторить. О том, что будет после армии, когда вернёшься, – сейчас не думай. Сказано, ведь: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, завтрашний день сам о себе позаботится». Или как Жванецкий перефразировал: «Товарищи, давайте переживать неприятности по мере их поступления». Вернёшься, и будет ясно – на третий курс тебе идти или снова на второй. А сейчас надо сдавать сессию хотя бы заради испереживавшихся за тебя родителей. Обещаешь?

Андрюшка кивнул головой.

– И в армии права не качай, терпи, там за справедливость бороться бессмысленно, понял?

Андрюшка опять кивнул головой.

– Ну, вот и все мои наставления. Можешь быть свободным.

Мы расцеловались, и я отпустил его с Богом. Любу я отправил купить цветочки для тётки Тамары, пока мы с Ириной повьясняли – поедет она в Сестрорецк или нет.

– Так, что, Ирина, с чем связана твоя истеричность? Опять у вас с Димой нелады? Почему нужно было Михалыча в Ленинград вызывать? Что же это вы до сих пор так и не научились в своих проблемах самостоятельно разбираться!

Отвечала Иринка сбивчиво, не успокоившись ещё окончательно, но ничего особенно нового я от неё не услышал, разве что будто Дима себе по пьянке вены резал якобы из-за неё, что это при Михалыче было, но Михалыч мне ничего такого не говорил.

Про остальное всё я в общем-то знал. Диме якобы угрожала армия (а, может, и не угрожала, Иринка этого даже не знает наверняка: то ли в самом деле так, то ли он ей просто голову морочит, ему ведь соврать ничего не стоит, он всё время врёт), и потому он запил (это же говорил Михалыч), учёбу опять забросил, но от армии его освободили, сейчас он вроде бы занимается, но хвостов у него много, неизвестно ещё – выйдет ли на сессию... Отец его, Михалыч, его совершенно не знает и не понимает...

– Ирина, так я тоже не пойму, ты из-за чего переживаешь: из-за того, что его в армию не забрали? По твоим словам вы друг другу только страдания причиняете, сколько раз уже о разводе заговаривали, так тогда что ты на него злишься, что он учёбу забросил? Ну, в армию заберут – или забрали бы – тебе же только легче бы стало, не мешал бы тебе самой заниматься. Или отчислят если – ну, вернётся в Калининград, будет Мишу няньчить, у него это хорошо получается, и тебе легче, и нам, особенно маме, легче – чего же тут переживать?

– Ну, а дальше-то что, если его отчислят? Что же это у меня за муж будет такой непристроенный?

– Это его дело, в конце концов. В ансамбле будет играть, например, чем не дело? Там не меньше можно заработать, чем в медицине, скорее больше. Я думаю, что проблема не в том, что потом будет, а в том, как сейчас вашу семью сохранить. У вас хоть какие-то остатки тёплых чувств друг к другу сохранились?

– Сохранились.

– Вот вцепитесь в них, держитесь за них, сохраняйте их, укрепляйте их – это самое главное. Остальное всё ерунда, мелочи.

– Какие же это мелочи, если я, например, в общежитии на кухне ужин готовлю, а он в это время в чьей-то компании на этом же этаже пьянствует, песни распевает? Что люди подумают? Хороша семейка!

– Ты же сама его компаний избегаешь! Считай, что люди подумают: вот семья какая – каждый при своём деле, и друг на друга не обижаются. А вот когда ты к девочкам ночевать убежала, а он туда ломился, тебя заботило, что люди подумают? Похоже, что не очень. А зря. Или вот сейчас – я за тобой тут носился. Не видно было, чтобы тебя волновало, что люди подумают. К мужу претензии предъявлять за тобой не залежится, а сама-то ты безгрешна, что ли? Одна истеричность твоя чего стоит! Да я бы от такой жены давно сбежал, как ещё Дима тебя терпит!

Подошла Любка с цветами и подключилась к разговору:

– Ирина! Мужчине надо свободу давать, они без этого не могут. Подумаешь, у приятелей задержался! Что ему – с тобой только рядом сидеть и на тебя любоваться?

– Это у неё идеал такой: она сидит перед телевизором и вяжет, а рядом муж. И ещё вкусенького чего-нибудь поесть.

– Да ты, Ирина, мешанка настоящая! Так нельзя.

В Сестрорецк Ирина согласилась всё-таки поехать, и разговор продолжался в электричке. Мы с Любкой вдальбливали моей дочери, что мужьями в наше время не бросаются, что у Димы, конечно, прорва недостатков, но и у неё самой их хватает:

– Как, скажи, я ему могу нотации читать, если он в любой момент мне может возразить: воспитывайте лучше свою собственную дочь – и будет прав! Наконец, у вас сын, с которым

у него хороший контакт. О сыне-то ты думаешь или нет? Родила, не подумавши, и дальше так же собираешься? На маму надеешься?

В Сестрорецке у Бургвицев за обедом распили Любкину маленькую. Иринку, разумеется, оставили в покое, отвечали тётке Тамаре на её расспросы, сами расспрашивали про их жизнь, про дяди Вовино здоровье – слава Богу, неплохо сейчас, тьфу-тьфу!

На обратном пути в электричке опять наставляли Ирину, нам почти не возражавшую и не оправдывавшуюся. Люба вышла на Ланской, мы с Ириной простились в метро у Финляндского.

464. Мы не падем, не сеем, не строим

Закончив с Б.Е. читку корректуры, я позвонил в редакцию и узнал, что реклама будет готова только 2 июня. В Москву, следовательно, ехать сейчас отсюда, из Ленинграда, как я планировал, не было теперь смысла. Я поехал в железнодорожные кассы предварительной продажи на канале Грибоедова и, к своему удивлению, взял билет до Калининграда на следующий день, то есть на **26 мая**.

Приезжаю домой, открываю дверь в квартиру и вижу такую картину: рыдающая старушка со 2-го этажа из нашего подъезда, взъерошенный Митя и Сашуля о чём-то дебатуют. Выясняется: Митя оттолкнул старушку, вырываясь от неё, и она лицом ударилась о перила. А схватила она его за то, по её словам, что он нарочно в квартиру ей позвонил (или хотел позвонить) и бросился бежать.

Такие шутки – любимое развлечение Вовы Прокопьева, а, поскольку он к Мите ходит, и Мите за него доставалось. Митя же объяснял ситуацию так: он спускался по лестнице и был как раз около квартиры старушки, когда сверху его позвала мама. Он бросился обратно наверх, а в это время старушка выглянула из двери своей квартиры. Когда же он снова спустился вниз, старушка караулила его на площадке, схватила его за руку, Митя вырвался, а старушка ударилась о перила.

Как ни оправдывался Митя, как ни уверяла Сашуля, что шуток со звонками он никогда не устраивает, старушка стояла на своём и была безутешна. Похоже, что и звонка-то никакого не было, просто увидев убегающего от её дверей Митю, она уверилась, что застала его на месте готовившегося преступления.

– А ты что вырываться-то стал? – строго спросил я Митю. – Так ведь и покалечить человека можно!

– Ты же знаешь, я не люблю, когда меня хватают!

– А если бы покалечил?

– Я не подумал об этом, как-то само собой получилось.

– Не подумал! Надо думать.

У старушки никаких следов ушиба видно не было, но причитала она очень горько, грозила вызвать скорую, чтобы видели, что с ней наш сын сделал. Я не выдержал и высказал ей своё замечание:

– А Вы не хватайте хулиганов за руки, видите, как это опасно!

Сашуля посоветовала мне помолчать лучше и повела старушку домой, обещая сделать ей компресс и наказать хулигана.

Ох, дети, дети! То одна, то другой сюрпризы преподносят.

На следующий день, 28 мая, была суббота. Митя сдал последний экзамен за седьмой класс, я прошёл техосмотр, и после обеда мы с ним ездили на мотоцикле под Головкино, ловили на канале с шести до девяти вечера. Поймали одну плотву, одну густеру, одного окуня и десятка два ершей.

За год Митя вышел в отличники, но в последней четверти ему угрожала четвёрка... по географии! Причём в году уже была одна четвёрка по географии за четверть. По географии!!

– Митя! Позорник! Как ты умудрился? С шести лет по картам целыми днями ползал, всех взрослых за пояс затыкал в географические игры, и вдруг – на тебе!

– Да у меня две четвёрки за контурные карты – за грязь и одна пятёрка. А вызывать – не вызывают.

– Ты, наверное, выпендриваешься перед учительницей, вот она и ставит тебе четвёрки, чтобы не задавался.

– Ничего я не выпендриваюсь.

Мы не стали выяснять Митины отношения с учительницей, тем более что и за последнюю четверть, и за год ему поставили пятёрки.

С 29 мая по 2 июня – Рейган в Москве. Очень любезен, всё ему нравится. Наша гласность, конечно, ещё не доросла до того, чтобы передать по ТВ его встречи с диссидентами и студентами МГУ, но хоть сами эти встречи были – и то достижение.

Резко контрастировали пресс-конференции Рейгана и Горбачёва после окончания встречи. Первый управился за полчаса, говорил чётко, коротко и по существу. Второй два часа разливался соловьём, варьируя на разные лады банальности из арсенала «нового мышления».

Его спросили про интервью Ельцина какому-то из западных информагенств, в котором он якобы обвинил Лигачёва в консерватизме, в том, что тот тормозит перестройку. Горбачёв сознался, что, будучи очень занят визитом Рейгана, он про это интервью ничего не знает, но Ельцину, как члену ЦК, зададут по первое число за такие интервью, а Егора Кузьмича он в обиду не даст.

Чтобы продемонстрировать прочность положения Лигачёва, наверное, ЦТ передало в программе «Время» репортаж о его выступлении в Тольятти, в котором Егор Кузьмич кричал:

«Нам подбрасывают идейки об оппозиции, но этот номер не пройдёт! Мы гордимся своими достижениями, и эта гордость есть наша движущая преобразующая сила!»

И это, когда по экранам страны прошла рязановская «Забытая мелодия для флейты», в которой герои-бюрократы пели:

Мы не пашем, не сеем, не строим,
Мы гордимся общественным строем...

Чтобы было ещё больше чем гордиться, в конце той же программы «Время» сообщили об очередном «достижении» железнодорожников – взрыве в Арзамасе трёх вагонов со 120 тоннами взрывчатки. Яма глубиной 27 метров, 68 погибших – не окончательная цифра, окончательных я не знаю, сообщали ли?

Отец мой, кстати, ещё недавно защищавший Сталина и считавший дураками Хрущёва и особенно Брежнева, под влиянием гласности эволюционировал в своих воззрениях до вполне логичных выводов: во всём виноваты Ленин и революция. Разве расстреливать без суда при Сталине начали? Разве церкви при Ленине не сносили?

А теперь – вот, действительно, достижение – к 1000-летию крещения Руси, ныне широко празднуемому, новую церковь в Москве заложили.

У нас в Калининграде православная церковь начала действовать, с настоятелем её – отцом Аркадием (выпускником Ленинградской духовной семинарии, кстати) интервью в «Калининградской правде» опубликовано – тоже достижение.

465. Июнь 1988 г. Корректурa и реклама «Физики ионосферы»

Ещё в Ленинграде, сидя рядом с Б.Е. за чтением корректуры, я обратил внимание на то, что Б.Е. в своей части книги находит гораздо меньше опечаток, чем я в своей. Я сказал ему об этом. Б.Е. ответил, что дело в том, что у него текст проще. Тогда я прочёл одну первую попавшуюся страницу, уже проверенную Б.Е., и с ходу обнаружил три незамеченные им ошибки. Б.Е. расстроился. Я утешил его тем, что время у нас ещё есть, и дома я пробегу его часть всю от начала до конца.

Этим я и занимался в Калининграде. Оказалось, что около трети ошибок было не замечено Б.Е., даже таких, например, как дважды подряд напечатанное «конференция электронов» (вместо концентрация электронов). Закончить до очередного отъезда в Москву я всё не успел, занимался этим даже в поезде, и в гостинице ИЗМИРАН.

В Москве был с 6 по 10 июня. Работал в очень плотном режиме. С Павловым и Соболевой закончили, наконец, программные дела и распределение пригласительных билетов. Соболева всё норовила пристроить в программу семинара «блатных» – опоздавших вовремя представить тезисы (вроде Гивишвили или Минуллина) или отвергнутых программным комитетом (вроде Иванова-Холодного с Непомнящей), чем возбуждала нервного Толю Павлова, который жаловался мне, а я проявлял твёрдость и убеждал Соболеву, что мы не вправе что-либо менять после того, как программный комитет уже отзаседал и принял решение.

В «Науке» с Людмилой Евгеньевной мы закончили просмотр корректуры, она нашла несколько ошибок сверх того, что обнаружили мы с Б. Е. Но более всего сил я потратил на рекламу, на розыски тиража, на извлечение нескольких сот (около 600) экземпляров со склада Академкниги и на их рассылку.

Рекламка была сделана красиво, на хорошей бумаге, только вот в аннотации вместо Калининградский университет (где читался курс лекций по физике ионосферы) было напечатано Калининский, и я на всех рассылаемых экземплярах вручную исправлял Калининский на Калининградский, раскладывал по конвертам, надписывал их и рассылал по всем известным и малоизвестным геофизическим конторам и персонам.

На этом, кажется, эпопея с книгой закончилась: мы с Б.Е. сделали всё от нас зависевшее и теперь уже были не в состоянии повлиять ни на полезность, ни на популярность нашего сочинения...

12 июня – 24-я годовщина нашей с Сашулей свадьбы. Год осталось дотянуть до серебряной. Дотянем?

День солнечный, но холодный, с прозрачным – осенним воздухом, ощутимый северный ветер, температура воздуха плюс 12—15 градусов. Тем не менее мы с Сашулей, Митей и Мишей поехали в Зеленоградск загорать. У моря свежесть особенно ощущалась. На основном пляже было почти пусто, народ весь забился в «сковородки» – защищённые от ветра песчаные углубления среди низких дюн, поросших мелким сосняком.

Нашли и мы себе ямку на стыке пляжа и сковородок, где ляжешь – ветра нет, солнышко печёт, загорать чудесно, а сядешь – ветерок освежает вместо купания. Никто и не купался. Мы тоже, разумеется.

Вечером явился единственный гость (никого не приглашали) – Серёжа. Один. Они теперь с Людой порознь к нам приходят. Люда чаще. Серёжа совсем редко. Он теперь больше в Ленинграде пропадает, в командировках как бы. Люда говорила, что его подруга уже сюда приезжала, Серёжа ей Калининград показывал, чуть ли не на кафедру водил, с Кшевцевским знакомил, вроде бы и к нам с ней собирался... Но не рискнул.

Если Люда всем, касающимся её беды, делится с Сашулей, то Серёжа мне – ни слова о своём новом счастье, и я ему вопросов на эту тему не задаю. Нет желания.

15 июня приехала Ирина – сдала сессию досрочно, одна четвёрка – по политэкономии, остальные пятёрки. Тётя Тамара рассказывала, что, по словам Иринки, на экзамене политэкономша её спросила:

– Вам Ужгин кто приходится?

– Муж.

– Ну и олух он у Вас.

Довёл он, видать, её своими спорами и пререканиями.

Дима на сессию вышел, хвосты подтянул, сдал два экзамена, и два ещё осталось. А Иринка ему своих забот навесила. Потеряла какую-то методичку, ей обходной не подписали из-за этого и направление на практику не выдали. Так она всё это утрясти Диме поручила и укатила домой – устала, мол.

18 июня были всем семейством на заставе, янтаря нет, хоть и дул накануне приличный западный ветер. Вода ледяная.

Смотрим футбол, чемпионат Европы. Впервые транслируют все матчи. Красота. Голы хорошие забивают. Герои этого чемпионата – голландцы. Гуллит, Ван Бастен, братья Куманы.

19 июня ездили с Митей на мотоцикле на заставу в расчёте на то, что янтарь подошёл. Но расчёт не оправдался. Зато подошли с моря какие-то сверхнизкие облака, ключьями стелились, цепляясь не то, что за деревья – за землю! Удивительная картина. А от моря отъехали километров десять – ясно, никаких следов облачности.

С 24 июня я ушёл в отпуск. В этот день мы с Сашулей смотрели «Фанни и Александр». Сашуля недоумевала:

– Зачем этот секс? У меня эти кадры вызывали чувство протеста!

– Ну, ты даёшь! Это с непривычки. Вот ведь сцена порки мальчика у тебя, наверное, протеста не вызвала? Тот факт, что это показано? А это же жестокость, в сущности, ужасное зрелище! Каково наше воспитание: эротика на экране вызывает протест, а насилие – нет.

– Но зачем это нужно в фильме? – продолжала недоумевать Сашуля.

– Затем же, зачем и порка Александра, чтобы ярче противопоставить эти два мира: весёлую жизнелюбивую греховность одного и злобную, хоть и внешне набожную греховность другого. Бергман симпатизирует первому, и, думаю, намерен уверить зрителя, что в первом случае это богоугодная греховность, если так можно выразиться.

27 июня мы с Митей ездили на мотоцикле на 18-й километр Балтийского шоссе к лодочной станции с целью опробовать нашу собственную резиновую лодку («Омегу»), которую я приобрёл-таки, наконец, этой зимой (давно собирался) и даже зарегистрировал, приобретя официальный статус судоводителя маломерного судна и получив соответствующий билет.

К лодочной станции мы поехали потому, что там удобно оставлять мотоцикл, да и место проверенное в части балбер, на заливе. К тому же Мите интересно корабли разглядывать, что по каналу ходят. А сама лодочная станция не должна была в этот день работать – понедельник выходной.

Однако, оказалось, что она функционирует: моложавая жена одноглазого Василия Захарыча принимала лодки у рыбакивших с ночёвкой. Я предложил Мите:

– Давай, возьмём деревянную лодку, всё понадежней и вместительней для нашего барахла, на своей-то ещё наплаваемся.

Митя согласился.

Погода была чудесная, ветерок слабенький, волны нет, плюс 25 градусов. Переправились через канал, прошли между островами и поставили 15 балбер в заливе недалеко от прохода, на том месте, где мы с Геной Бирюковым в прошлом году удачно рыбакичили, а потом причалили к острову и улеглись там загорать.

Через два часа отправились проверять балберы. Увы, нас ждало разочарование. Ни один червяк не был тронут. Вернулись на остров, но надежд я уже не питал и на вечер: похоже, что рыбы здесь вовсе нет, вода подвывает даже в заливе, а в канале аж пенится от любого гребка, не говоря уже – от винтов кораблей: за ними прямо белая дорога кружевная тянется. Опять сброс гадости какой-то учинили. Или просто ветры не позволили обычно отравленной воде стечь в Приморскую бухту.

Мимо наших балбер медленно прополз катер и сделал рядом с ними круг: похоже, рыбнадзор. Пошёл дальше вдоль острова, а потом развернулся и прямо к нам:

– Ваши балберы?

– Наши.

– Пять лишних, снимите.

– Нас же двое!

– 10 штук на лодку положено, независимо от числа рыбаков. А вот с 1 июля – по 10 штук на нос.

– Ладно. Снимем. Рыбы-то всё равно нет. Где она сейчас, не знаете?

– Неделю назад здесь была, у островов, а сейчас у Прибрежного, на той стороне, и лещ, и угорь.

– Спасибо за информацию.

В заливе у нас так никто и не тронул червей. Для очистки совести мы перед завершением рыбалки поставили на часик балберы в канале, у материкового, правого берега, но и там результат был нулевой.

Ладно. Не повезло с рыбой. Зато позагорали и на лодке покатались вдоволь.

466. 19-я партконференция. Мужество Бакланова, покаяние Ельцина и топтание его Лигачёвым

28 июня открылась долгожданная XIX партконференция. Идеалисты связывали с ней какие-то смутные надежды: вот с неё-то, мол, перестройка по-настоящему только и начнётся, она, мол, должна «дать гарантии необратимости перестройки». Волновались по поводу выборов делегатов, с экранов телевизоров Адамович возмущался тем, что настоящих «перестройщиков» на конференцию не пускают.

Делегатов выбирали на пленумах обкомов, где голосовали списком (может, не везде, точно не знаю, но в большинстве областей), который составлялся «активом», и в который чёрт-те кто только не попадал – какие-то совершенно посторонние для данной, например, области лица, в основном московские аппаратчики, военные и т. п. У нас в Калининграде на пленуме обкома делегат от АтлантНИРО предложил голосовать не списком, а за каждого кандидата по отдельности – его не поддержали.

Я удивлялся: чего народ волнуется? Коммунисты – люди дисциплинированные, в любом случае проголосуют за то, что Горбачёв предложит, так какая разница – кого выберут? Консерваторы в этом смысле даже надёжнее – в части единодушного голосования.

В какой-то степени конференция надежды оправдала. В том, во всяком случае, отношении, что следить за её ходом было интересно. По ТВ передавали, если не всё, то с неслишком большими изъятиями почти всё, что там говорилось с трибун, и развлечение получилось не хуже футбола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.